4-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 12

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Губоно будет определять на работу оканчивающих детдома только круглых сирот.
Веч. „Кр. Газета"

Рис. Б. Антоновского

— Вот, Сенька, поступишь ты на службу, начнешь зарабатывать, мы и поправимся...
— Напрасно надеетесь, дорогие родители: чтобы я службу получил, вам беспременно помереть надо.

ВЗАИМНОЕ

Рис. А. Радакова

— И чего это человек ни за что ни про что рыбу кормит?

—То-есть, как это ни за что ни про что? Да его самого, почитай, третий год Главрыба кормит! Должон он это ценить или нет?

НЕ В КРУЛЕ ДЕЛО!

(В порядке добрососедского увещания)

Съезд партии польских аграриев вынес резолюцию о необходимости превращения Польши в наследственную монархию.

Эх, вы, дети! Право, дети.
В наше время на земле
Суть в кредите и в монете—
А отнюдь не в короле.

Круль без займа—звук бесплодный.
А заем—тогда капут:
Под контроль международный
Круля тотчас-же возьмут.

Все как-будто автономно...
Совершай с любой ноги
Провокаторско-погромно
Мракобесские шаги;

Будь, как Каин, неприкаян—
Только знай, что каждый миг
Может взять тебя хозяин
За потертый воротник;

Проворчать сквозь зубы:—То-то!—
И как грубый толстосум,
Вдруг потребовать отчета
В израсходованьи сумм.

Ну, и нишкни поневоле!
Ибо ты в стране родной
Восседаешь на престоле
По десятой закладной.

Ибо трудно быть в почете
Средь воинственных светил—
Королю на хозрасчете
От банкирских воротил!

Желчный Поэт

КАРУСЕЛЬ

(Вы думаете о масленице? Ничего подобного)

Самым веселым развлечением народных гуляний считается карусель... Я, лично, не нахожу никакого веселья в карусели... Но молодые люди в лихих финках с оттопыренными наушниками, в брюках клеш, закрывающих раструбом ботинок, — считают, что сесть на деревяного льва—и затем закружиться на нем до потери сознания и последнего гривенника,—это ли не истинное, целесообразное блаженство.

Впрочем, мое мнение здесь роли не играет. Очевидно, карусель существует не для меня. Очевидно, не все люди понимают, что, провертевшись целый день, может появиться желание очутиться где угодно, но только не на том месте, с которого началось вращение...

Итак, карусель существует... Она ворует у доверчивых простаков время, деньги и сознание тупого ничегонеделанья. Но доверчивые простаки не ропщут! Придя домой, они рассказывают:

— Эх, чорт! Вот весело прокатился я сегодня... Вот—смешная штука эта карусель!

А раз люди находят, что это смешно, то где же описывать смешные вещи, как не в юмористическом журнале? А потому—начну!

...Я открываю сегодняшнюю газету. Большое объявление перед моими глазами... Рублей двести такое объявление потянет. Текст объявления такой:

> Ленинградское отделение Желдоржилсоюза доводит до сведенья, что с такого-то числа оно переименовывается в Лнгр. Контору Сев-Зап Отделения Желдоржилсоюза.

В переводе на русский язык,—это значит, что десятки живописцев начнут перекрашивать вывески и замазывать старое, ненужное... Это также значит, что старательные полиграфы будут возиться с круглыми печатями и угловыми штампами, вырезая одно и вклеивая тождественное. Но это не все еще! И фирмовые бланки нового образца, и перемена адреса, и новые квитанции, и другое, и третье... А в результате—бутафорский лев, с оскаленными зубами, с художественной деревянной гривой, после десяти туров вернувшийся на свое прежнее место...

...Я продолжаю чтение газеты... Япония, Китай, Чемберлен... Ску-чно! Впрочем, нет! Нашел... В хронике напечатано:

> Слившиеся недавно о-ва „Аэрохим“ и „Друзей радио“ в „Аэрорадиохим“ вновь разделяются на „Аэрохим“ и о-во „Друзей радио“.

Что, читатель, не смешно? Может быть! Мне, лично, тоже не смешно...

Но еще в начале этого фельетона я предупредил тебя, что я противник карусели, что я ненавижу отсутствие смысла...

Но разве я один? А потому, уступаю очередь всем, всем, всем, желающим оседлать неподвижных лошадок, жаждущим лихого катанья в стоящих саночках... Пусть катаются, а я уж постою. Ни черта! Через час мы встретимся на этом же месте.

М. Коварский

ПРОФБОЛЯЧКИ

(Частушки)

В профсоюзе нашем лад,
Окромя „коленца“:
Председатель-бюрократ
Слопал выдвиженца!

Профчинуши важен вид:
Нос задрал, читая...
У него *портфель* набит,
Голова - пустая.

Регистратор наш соплей
Распустил на сто рублей!
Вытереть нет времени:
Вишь, бумаг до темени.

Просвещали нам умы
В профсоюзном деле:
На восьмом докладе мы
Дружно захрапели!

Доль

ГОНОРАР

Написал Пучкин небольшую вещицу и не только написал — пишут нынче многие—а даже в газете напечатал.

Вот это уже было удивительно для Пучкина 30-ти лет, служащего в Откомхозе на должности шестого разряда.

— Ах,—думает—ёлки-палки! Оценили красоту слога! Скажи, сделай милость! Это-ж я, может, новую жизнь начну! Может, из меня какой нибудь Пушкин окажется!

А написал Пучкин насчет непорядков на Псиной улице: тротуар там, видите-ли, неисправен и фонарей нету, и советский служащий легко может сковырнуть себе голову, каковая есть достояние народа.

Правда, заметку сократили вдвое, но очень удачная и ядовитая фразочка: „Откомхоз, где ты?“ — осталась полностью, а подпись „Острое перо“ даже напечатали жирным шрифтом.

Возликовал Пучкин. И можете легко себе представить, каких вершин достигло его ликование, когда через два дня ему выдали в конторе газеты бесплатный номер с заметкой и два рубля гонорара.

Надо сказать, что Пучкин был не богат,—как и все служащие шестого разряда. И вдруг—два рубля!

— Ах, ёлки-палки. Вот оно, что означает талант! Да что же это?! Да ежели каждый день по заметке—прямо зажиреть можно! Эх, дурак я, дурак! Сколько сюжетов к чертям упустил! Ну, только теперь, братцы, шалишь!

Совсем иными глазами нацелился Пучкин на окружающий мир. Например, тумба. Эге, брат! — покосилась? Одернуть надо. А это что? Стоит развалившийся дом, незабитый досками, и внутри — признаки естественной надобности... Опишу! „Саннадзор, проснись!“

Словом, куда ни глянь—тема для заметки. Пока от конторы до Откомхоза добежал, рублей на двадцать высмотрел.

Ну, приходит к себе, в 142-комнату, и, конечно, лицо сияет. И даже нарочно мечтательно заулыбался, чтобы заметили сослуживцы. Охота, понимаете, выложить свою новость, похвастать.

Но не такой это народ в Откомхозе, чтобы заметили. Прямо досадно, что за народ!

Но тут подвернулся удобный момент.

Подходит к Пучкину регистратор Сипунов.

— Сидор Иваныч, — спрашивает—нет ли у вас до четверга полтинника?

Возликовал Пучкин.

— У кого - говорит—нет, а у нас—будьте любезны.

— Вот спасибо, милый. До зарезу надо.

— Будьте любезны. Вот вам до зарезу полтинник.

Вынимает деньги и этак спокойно, как бы вскользь:

— Надавали, черти, мелочи. А впрочем, гонорар что крупными, что мелкими—все одно хорош!

— Какой это гонорар?—спрашивает Сипунов.

— В газете гонорар. За сочинение. Ну, вот вам полтинник. Будьте любезны. Это мне ничего не составляет.

Эффект, можете представить, поразительный. И даже до неожиданности громадный. Совсем даже не предполагал Пучкин, что в какие нибудь полчаса сделается центром всеобщего внимания.

А между тем—факт, самый достоверный.

Не поспел Пучкин раскрыть „исходящий“, как вдруг подлетает к столу экспедитор Пуговенко.

— Сидор Иваныч... Я слышал, вы при деньгах? В виду чего и, принимая во внимание... Одним словом, уделите рублёвку до первой получки...

Не снилась Пучкину такая удача!

„Ну“,—думает—„теперь, брат Пучкин, стал ты другой человек. Всем ты, Пучкин, теперь заметен!“

— Будьте любезны, товарищ Пуговенко.

И деньги—рубль серебром—из кармана на стол.

— Это мне, при гонораре, ничего не составляет.

А про-себя думает с восторгом:

— „Полтора роздал, а полтинник всетаки еще есть — на разживу!

И только это он—за исходящий, как уже и до последнего полтинника нашелся охотник—младший бухгалтер Шац. Думать не приходится!

— Будьте любезны, товарищ Шац. Только, извините, надавали мелочи. Извините, медью будет.

— Нехай медью—отвечает бухгалтер Шац, беря деньги: —но, извиняюсь, вы же мне дали пятьдесят копеек, я же прошу за рубля.

— Что вы! Не может быть!—восклицает Пучкин, а самого словно топором по черепу:

— „Вот те фунт! Откуда ж я возьму, ёлки-палки, недостающий полтинник?“

И вдруг вспомнил: шесть гривен от жалования остались. Слава богу, что не успел истратить. Фу! даже в испарину бросило от испуга.

— Будьте любезны, тов. Шац. Надавали, дьяволы, мелочи—запутаешься!

Сосчитал Шац деньги с бухгалтерской точностью, поблагодарил и ушел.

А Пучкин продолжает ликовать. Скажи, сделай милость – даже бухгалтеру Шацу одолжение привелось сделать! Вот оно, что значит талант! Да что—Шацу!

Вот уже и секретарь Полубрюхов у стола. Вскочил Пучкин от неожиданности. А секретарь любезно ручкой за плечо берег.

— Работайте, работайте, товарищ литератор. Только не этово... не вставьте нас в какую нибудь комедию.

— Помилуйте, тов. Полубрюхов!—бормочет Пучкин.

— А я слышал—говорит опять секретарь—это выгодное дело—в газете писать. Кстати, дорогой писатель, ссудите до завтра трёшку. Завтра получу аванс и верну.

Остолбенел Пучкин. Остолбенел и чего делать—не знает... Неужто отказать? Всем давал, хвалился, а для секретаря—нет? Да ведь этак и погибнешь—сократишься в самый короткий срок.

— Будьте... любезны...—задохнулся Пучкин:—понадавали... крупными. Я сейчас... разменяю...

Выскочил, как из огня, в коридор. И, постояв минуту в оцепенении, кинулся к телефонной будке.

Хорошо всетаки, что у Пучкина оказался знакомый,—с телефоном и с деньгами. Секретарь получил свои три рубля, и слава Пучкина не померкла.

А на службу он не ходит третий день—опасается внимания. Вот, что значит —талант!

Ив. Прутков

И ОЧЕНЬ ПРОСТО

— Подумаешь: ак-драма, ак-опера! Я сам, батенька, ак-тер смоленской драмы!

ГОРЬКАЯ ИСТИНА

— Вот я и вылетел со службы, потому подлизываться не умею! А Петька-то полз-полз перед начальником, вот и не вылетел!

— Да уж это факт: рожденный ползать—летать не может.

ВНИМАНИЮ НАРКОМЗДРАВА

Рис. К. Рудакова

— А вот и еще один случай сонной болезни... Растет эпидемия, растет!

ПРОТИВ ВСЯКОГО ОЖИДАНИЯ

На сахарном заводе, близ ст. Нагичевка, для вывоза урожая бурака одному „спецу" было поручено закупить 160 рабочих волов. Приемочная комиссия признала годными для работ 20 волов, а остальные оказались телятами. (Из газет).

Рис. Л. Бродаты

— На что ж вы надеялись, покупая телят, вместо волов?
— На волокиту: полагал, что за это время они до волов дорастут!

ДЕДЫ

Шло письмо от Дунькиных Гряд до Махаловки два дня. Белая сумасшедшая поземка целые сутки крутила в поле, выровняла овраги, навалила у заборов и плетней алмазные горы, засыпала рыхлым серебряным пухом проулки. К обеду другого дня, когда уснул пьяный ветер на блестящей снеговой постели, и в бледном морозном небе по-зимнему косо улыбнулось солнце, пришла, наконец, в Махаловку почта.

С почтой пришло письмо Семену Ивановичу Дудину.

Повертев в руках квадратный конверт, склеенный из просаленной линованной бумаги, Семен Иванович всунул ноги в валеные сапоги, накинул на плечи тулуп и пошел к соседу—грамотному мужику Смагину.

Смагин достал с полки очки, подвязанные у самого стекла красной шерстяной ниткой, и, нацепив их на толстый шишковатый нос, вскрыл конверт.

— Дорогим родителям нашим Семену Ивановичу и Матрене Евстигнеевне шлем низкий с любовью поклон по гроб жизни нерушимо и желаем доброго здоровья...

— От бога?— перебил Дудин, раскуривая цыгарку.

— Не... От бога—нет.

— Сбулгачили их там совсем,—пыхнул табаком Семен Иванович.—Дале вали!

— И еще кланяюсь любезному братцу нашему Ивану Семеновичу, и еще кланяюсь супруге евонной Агафье...

— Стой!—снова перебил Семен Иванович.—Ничего не пойму. Ну-ка, вали спервоначалу...

— Да чего же тут не понять?—блеснул очками Смагин.—Дорогим родителям Семену Ивановичу и Матрене Евстигнеевне шлем низкий поклон... Ну?

— Дале, дале вали!

— ... По гроб жизни нерушимо...

— Во! Оно и есть! Не так читаешь!.. Не тово, значит...

— Чего не тово?

— Читаешь не так. И просим вашего родительского благословления, которое есть по гроб жизни нерушимо...

— Да нету таких слов тут!

— Которое в огне не горит и в воде не тонет. Есть?

— Нету. Ни огня, ни воды.

— Как нету? Може, читаешь плохо? Вон очки-то у тебя какие... с ниткой.

— Очки тут ни к чему—засмеялся Смагин. А чего нету, того нету.

— Сбулгачили! Как есть сбулгачили!—неодобрительно покрутил головой Семен Иванович.—Дале вали!

— ... евонной Агафье Тихоновне. И еще кланяюсь Александру Ивановичу... Это кто-ж будет?

— А Ваняткин сын.

— Чтой-то не знаю такого.

— Да где ж его знать, когда он только на Покрова родился, да две недельки пожил. Дале вали.

— ... А работаю я с Савраськой в городе хорошо и в скорости ожидаю ребенка...

— Чего?!..

— Ребенка. Как есть у нас сообщаю младенец женского звания и одного года от роду...

Семен Иванович бросил цыгарку на пол и осторожно затоптал ее валенком.

— Ни хрена не пойму! Дале, дале вали!

— .. А я себя отцом не признавал и никто не признавал, потому путалась она с четырьмя враз и суд присудил всех отцами на манер артели... Здорово!..

— Уже чего здоровей!—крякнул Семен Иванович.—Ну и стерва!

— Теперича,—продолжал чтение Смагин,—по строгости нового закона выходит отмена многих родителей на манер амнистии и один будет отцом, а другие ни при чем. И согласились мы все отцы сообща бросить жербий, потому никто не признается, а суд угадать не может. И бросивши жербий вышло мне. А как Мишка Смагин при жеребьи не был, то я буду еще с ним кидаться,—кому выйдет...

Смагин опустил письмо на колени и вздохнул.

— Это что-ж выходит,—сказал он, мигая глазами через очки,— мы с тобой деды, выходит?

— Дале, дале вали!

— .. А в случае окажусь я, то не обессудьте продать хлеб и выслать денег на алимент, без чего я один не управлюсь, а вы, как уважающий дед, не оставьте младенца...

— Кой хрен, дед!—возмутился Дудин.—Мишкино дело, ты и плати...

— Не волнуйся!—сказал Смагин.—Я тоже получил письмо... Как нибудь пополам управимся. А подрастет, враз по ухватке узнаем, чья. Сочтемся!..

— Так, разве...

И Дудин поник головой

Р. Волженин

НЕВИННАЯ ТЕМА ПРО КООПЕРАЦИЮ

Рис. В. Лебедева

— Приходила санитарная комиссия: в вашем кооперативе, — говорит, — кажется, довольно сыро? Помилуйте, — говорю, — замечательно сухой воздух! В день по три бутылки вина усыхает и даже с соответственной закуской!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗАХРЯПИН

Председатель сельсовета Захряпин важно погладил бороду и сказал секретарю:—Докладай!

— Перво-на-перво,—заговорил секретарь, засовывая за ухо карандаш:—по распоряжению органов высшей власти требуется ликвидировать на корню растраты в кооперативах...

— Ликвидирую на корню!—сурово проговорил Захряпин.

— Еще приказ высшей власти ликвидировать шинкарство,—продолжал секретарь:—потому, в волости известно, что у нас на селе эта гнусная гидра свила себе прочное гнездо. И действительно, сам знаешь, цельных десять шинков у нас. И до слез, можно сказать, обидно: за бутылку горькой по четыре целковых дерут. А в долг—ни-ни!

— Ликвидирую на корню!—тряхнул головой Захряпин.

— Напоследок насчет кулачных боев. По разъяснению органов волостной власти кулачный бой совсем не физкультура, а некультурность одна...

— Окончательно ликвидирую!—грозно заявил Захряпин.

Через месяц председатель Захряпин, с разукрашенным синяками и кровоподтеками лицом, с рукой на перевязи, прихрамывая, ввалился в Волсовет.

— Ну,—сказал председатель Волсовета:—докладай, что там у тебя.

— Дозволь обсказать подробно, товарищ,—простуженным голосом захрипел Захряпин:—перво-на-перво насчет борьбы с растратами. Раскинул я мозгами и отобрал деньги во всех казенных кассах. Раз, думаю, не будет денег—нечего будет и растрачивать. Отобрал—и беспокойство меня заело. Как-бы, думаю, не потерять? А тут как-раз заехал ко мне барышник с жеребцом. Покалякал я с ним и купил на казенные деньги жеребца. Не жеребец, а прямо трактор неописанной красоты! И дешево. Так, думаю, вернее с казенными деньгами будет. За такого коня, думаю, завсегда эту цену дадут. Как понадобятся деньги—в момент продам. И что же ты думаешь? За цельный месяц у нас в селе ни одной растраты!

— Ловко!—пробормотал председатель Волсовета.

Захряпин смущенно кашлянул и продолжал:

— Насчет борьбы с шинкарством меры принял тоже самые энергичные. Как только приедет к нам в село какое-нибудь начальство, я сейчас же посылаю в шинок и сейчас хозяину циркуляр: „Давай яиц, мяса и прочего. Угощай начальство, раз ты шинкарь". Так что-же ты думаешь? Через недельку—белугой взвыли шинкари. И внукам, говорят, закажем водкой торговать. Одним, словом, ликвидировал шинкарство на самом корню. Теперь у нас на селе граждане водки не покупают. Сами для собственного потребления самогон стали опять гнать со двора на двор

— Та-ак!—неопределенно протянул председатель Волсовета.

— Конокрадство тоже ликвидировать довелось,—продолжал Захряпин:—тут я тоже фортель придумал. Приказал гражданам, чтобы, значит, по череду с раннего утра у моей избы четыре лошади дежурили. Запрягут четверку гусем в сани, сяду я и гоняю то туда, то сюда. Притомятся лошади—других запрягут. Вскорости ни одна лошадь на селе рысью идтить не могла. За месяц ни одной покражи не было. Потому—на наших лошадях вор далеко не уедет. На корню конокрадство чуть-чуть не ликвидировал...

— А что же вышло?—поинтересовался предволсовета.

— Да жеребца-то, которого я на казенные деньги купил, конокрады увели,—смущенно отозвался Захряпин:

— Погнались было за ними односельцы.. Да разве догонишь, когда наши лошади еле ноги волокут?

— Здорово!—проговорил предволсовета:—Ну, все?

— Нет, еще не все,—ответил Захряпин:—кулачные бои вот уж действительно категорически ликвидировал. Вижу—идет по улице стенка на стенку. Стой, думаю, сейчас я вас, чертей, ликвидирую. Взял оглоблю, бросился в самую кучу и главных зачинщиков все оглоблей да оглоблей... Кому башку проломил, кому руку сломал, кому ребро выбил. Человек десять главных покалечил. А без главных зачинщиков разве они могут бои устраивать? Ни в каком случае не могут. Вот таким манером всю их физическую некультурность на корню ликвидировал.

— А кто это тебя так отделал?—перебил его предволсовета.

— Это?—замялся Захряпин:—А это которые родственники главных зачинщиков меня на другой день вечером подкараулили. И того... Кольями... Ну, да я уж подговорил дружков своих, они им все ребра повыбьют...

Ковы яя, в сопровождении милиционера, на допрос к следователю, Захряпин озадаченно бормотал:

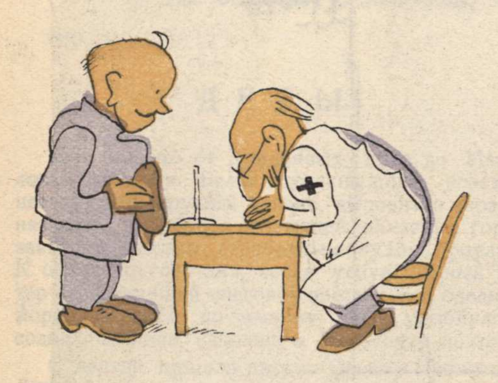
— Ну, и дела! Кажись, энергично все ликвидировал и на корню... А вот поди-ж ты!

Н. А. Карпов

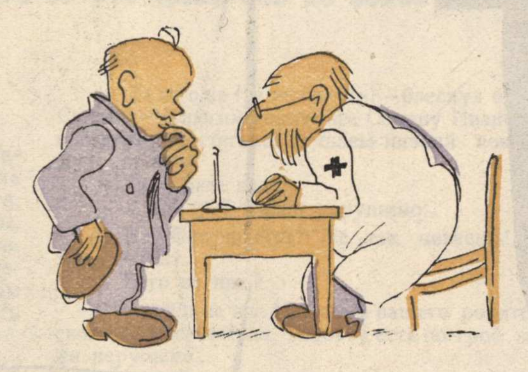
МОДНАЯ БОЛЕЗНЬ И МОДНОЕ ЛЕЧЕНИЕ

Рис. Б. Антоновского.

Проф. Геляницкий произвел над женщиной-гермафродитом операцию, превратив ее в мужчину. (Из газет).

— К вам, товарищ доктор. Прямо с ног сбился...
— А вот мы сейчас ваши ножки пощупаем.

— Да нет. Руки, говорю, опускаются...
— Руки? И ручки сейчас посмотрим.

— Эх, доктор! Сердце разрывается, доктор.
— Направим-с! В два счета!

— Задыхаюсь! Прямо задыхаюсь!..
— И задыхаться от сердца.

— Да дайте-ж вы мне, чорт побери, договорить!
— ?!

— Сделайте из меня, доктор, женщину, потому как мне эти алименты платить не под силу и желаю я наконец, не пито, не едено, сам от других алименты получать!

СИЛА НАУКИ

Рис. В. Козлинского

Наркомпочтелем введены телеграммы-молнии.

— Слышь, Микита: надо будет куму в деревню Пупкино тилиграмму-молонью послать.
— Да в Пупкине, дядя Егор, еще и телеграф не проведен.
— Елова голова! Да будь в Пупкине телеграф, на что мне тогда ихняя молонья нужна?

БЕЗ ВИЗЫ

В Карелии на Кондострое, в бараке № 67, по инициативе двух техников строительства, был организован кружок ВИЗ (выпить и закусить).

Имелись свои члены, свой, украшенный плакатами, лозунгами и диаграммами (о количестве выпитого) уголок. Имелась даже своя эмблема,— в пробитом дне четверти искусно вделанная электрическая лампочка. (Из газет.)

Рис. А. Успенского

— **А чего это Иван Тимофеич трезвый идет?**
— **Исключили его из ВИЗ'а за неплатеж членских взносов!..**

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

СКОРОСТЬ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

На одной из станций М.-К. ж. д. достигнута стараниями дороги большая скорость передвижения служащих по линии:

На станции для дежурных стрелочников имеются две постовых будки. Будки расположены одна с северной стороны станции, другая—с южной, от станции более чем на полуверсты каждая.

При исполнении своих служебных обязанностей, дежурному по станции, находящемуся в помещении станции, то и дело приходится отдавать то или другое распоряжение стрелочникам. А как их будешь отдавать? Одна из будок оборудована телефоном, но телефон не имеет наружного звонка, а в другой будке совершенно нет никакого телефона.

Бросит дежурный блок-аппарат с конторой *да и бегает от одной стрелочной будки к другой, беспокоясь за то, как-бы что в конторе не случилось или не произошло бы крушения на станции.*

Дураки американцы ломают себе голову, как бы получше оборудовать автоматами станции, а между прочим нет ничего проще: поставить вместо автоматов дежурного на линию—и дешево, и сердито.

Впрочем, сердит только дежурный, а начальство довольно.

ХАРЬКОВСКАЯ АСТРОНОМИЯ

Одна Ленинградская газета сообщает из Харькова:

Местный Электротрест продает горные лампы одному руднику в Донбасе с накидкой *в 2600%*.

Задачи для внешкольного возраста:

1) Если за каждые 200% накидки дадут правлению по 1 году принудительных, когда выйдет правление из исправдома У. С. С. Р.?

2) Доказывает ли такая астрономическая нагрузка прочность советской лампы или нет?

Дорогие читатели! Ждем ответа!

РАДИО-УБОРНАЯ

Влад. „Правда" сообщает, что

клубом имени Ногина при фабрике им. Абельмана был приобретен радио-громкоговоритель.

Много рабочих приходило его послушать. Стоял он в читальне.

Но вот почему-то заболел громкоговоритель, захрипел, закашлял и... умолк—в громкомолчатель превратился.

Правление клуба, вместо того, чтобы починить громкоговоритель, решило поставишь его в уборную.

Но что поделаешь? Такая хорошая машинка, что даже для уборной не используешь—ничего не принимает!

А вот правление клуба всетаки на что нибудь да годится.

Например, на удобрение.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ КРЕСТЬЯНИНУ

Моссельпромовская кондитерская фабрика имени П. А. Бабаева, заботясь о „смычке города с деревней" и о поднятии в деревне культурного уровня, выпускает на рынок особую *„крестьянскую карамель"*, в бумажках, снабженных внутри „Полезными советами крестьянину".

Компания студентов-политехников прислала нам одну такую бумажку (а карамель небось съели! эх, вы—грызуны гранитные!) И вот какой полезный совет на ней начертан для темных крестьянских масс:

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ КРЕСТЬЯНИНУ

Семя. Пока лежит в сухом состоянии оно не прорастает. При температуре в 100 градусов оно гибнет. От ядовитых кислот тоже. Продолжительность времени потери всхожести различна. Семена ив и тополей гибнут в течение нескольких месяцев, желудь 2 года. Рожь большее число. Некоторые семена прорастают через 10 и 100 лет.

Конечно же, Моссельпром понимает, до чего важно и нужно крестьянину знать, что семя гибнет при температуре в 100 градусов, и что есть такие чудаки-семена, которые прорастают только через 100 лет.

Недаром же (а за хорошую плату!) поэт писал:

„Нигде, кроме как в Моссельпроме."

Но мы думаем, что сочинять такие советы совсем не трудно, при некоторой ловкости левой ноги.

И совершенно бесплатно предлагаем Моссельпрому несколько свеженьких штук.

Возьмите-с. Благодарить будете-с!

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ КРЕСТЬЯНИНУ

Слоны. Пока слон стоит в хлеву, он безвреден. Будучи же выпущен на волю, он может причинить крестьянам-середнякам непоправимый вред, потравив их поле. Не менее опасен слон и для крестьянских детей, лишенных присмотра: они легко могут попасть под его ужасные копыта, превышающие копыта середняцкой крестьянской лошади в $49^{1}/_{2}$ раз. Следует также отметить, что слоны в СССР не водятся.

Окаменелости. При раскопках иногда попадаются любопытные куски деревьев, затвердевших и как-бы превращенных в камень. Ученые выяснили, что эти деревья пролежали в земле десятки тысяч лет.

Изба, построенная из такого дерева, была бы застрахована от пожара, и ее хватило-бы крестьянину на тысячу лет.

Лифт. Всякий знает, как часто портится лифт. Но, ввиду сложности конструкции, производить починку домашними средствами не рекомендуется. Лучше всего, возможно скорее вызвать специалиста-техника из ближайшего города.

Таурин или амидоэтиленсульфоновая кислота. $C^2H^7NSO^3 = NH^2CH^2SO^2OH$ был открыт Гмелином в 1826 году.

Однако, хотя со дня открытия прошло ровно 100 лет, таурин не получил никакого применения в крестьянском хозяйстве. Его нельзя ни пить, ни есть. Он также не годится для смазывания колес. Об этом не следует забывать середняку.

Советы Моссельпрома—открыты компанией студентов-политехников в 1926-м году и ничем не отличаются от таурина или амидоэтиленсульфоновой кислоты.

Ив. Пр.

МЕСТЬ

В Балчуге произошло сенсационное событие. У единственного балчугского фотографа Передержкина сбежала жена. Сбежала к молодому брюнету Рыбкину, служащему коммунхоза.

Напрасно посылал Передержкин делегатов. Делегаты возвращались от б. гражданки Передержкиной сконфуженные и молчаливые.

— Не желаю с ним, драным чортом, жить! — заявила она решительно. - Всю мою душу провонял своими кассетами да кислотами! Да и к тому же он, извините за выраженье, кволый мужчина—все ночи не спит, а напролет громко кашляет!

Слыша такие резкие отзывы, Передержкин очень мучился. Похудел, осунулся и стал кашлять еще больше. А подручному мальчишке Федьке, тоже, по несчастному случаю, Рыбкину — прямо, житья не стало. Из ругани да из толчков не выходил.

Однажды, часов в 12 пополудни, внизу позвонили. Федька, отворивши дверь, отскочил в испуге. В дверь входили б. гражданка Передержкина и товарищ Рыбкин из коммунхоза.

Вихрем взметнулся Федька по скрипучей лестнице.

— Иван Егорыч! Ваша пришла с хахалем!

— Наконец-то!—подумал Передержкин и заскрипел зубами. От злости даже заныло в пояснице. Однако сдержался, спешно выдавил угорь на виске и вышел к посетителям.

Передержкина не смутилась нисколечко.

— Иван Егорыч! — запела она. — Привел бог встретиться. Снимите вы нас, пожалуйста, ан-фас или ан-труа-кар на фоне. Поле с тропиночкой. Его мамаше очень карточка требуется. А за работу отдадим, что полагается. Верно, Петя?

— Факт!—подтвердил товарищ Рыбкин.

Охваченный волнением Передержкин молчал.

— Вы, я вижу, расстраиваетесь! — заметила чуткая Передержкина. — Только зря и понапрасну! Дружба, как говорится, дружбой, а служба службой.

У Передержкина вдруг мелькнула гениальная мысль.

— Федька, кассету!—неожиданно закричал он. — Ставь взад небо с калиткой! Живва!

В небе была, правда, дырка величиною в кулак. Но так как она выходила на всех карточках балчугских горожан, то никто на это не обижался.

— Одну минутку, граждане!—сказал деликатно Передержкин, выходя в другую комнату. — Прошу вас заняться пока расположенными на столе снимками.

В соседней комнате у Передержкина захватило дух от злобы. Он побледнел и опустился на стул.

— Федька!—прошептал он хрипло.—Только я грушу в руку возьму, ты сзади их встань и в дырку дулю просунь! Так их и снимем!

— Иван Егорыч!—взмолился дрожащий Федька.—Нехорошо!

— Молчать, щенок!!—задохнулся Передержкин.—Застрелю, как собаку!!!

Федька потом хвастался, что у Ивана Егорыча брызнул огонь из носу и чуть всю комнату не спалил. Хотя в это никто и не верил, но рассказывать заставляли по несколько раз.

Все эти переговоры продолжались не более двух минут. После этого Передержкин долго усаживал жену и Рыбкина так, чтобы между их головами приходилась дырка на небесах.

Наконец все было готово. Передержкин взял грушу в руку, и между головами молодых немедленно просунулась грязная Федькина дуля. Молодые, сладко улыбаясь, глядели в объектив. Передержкин снимал долго, с наслаждением и большой выдержкой.

Затем, после обычных просьб подретушировать покрасивее и чтобы нос выделялся, молодые ушли.

А Передержкин, проявляя снимок, весь вечер и всю ночь плакал от счастья.

На завтра занятия во всех трех советских учреждениях города прекратились раньше времени. Все балчугские горожане собрались у витрины Передержкина. В центре, по бокам отлично вышедшей дули, ласково улыбались тов. Рыбкин и гр. Передержкина.

Напрасно два милиционера разгоняли толпу. К вечеру приехал сам предуисполкома и долго хохотал у витрины, разглаживая могучие хохлацкие усы. Толпа почтительно хихикала на расстоянии.

И хотя на следующий день, по секретному приказу милиции, фотографию и сняли, но месть удалась на славу. Около года весь город толковал о карточке с дулей и о загадочной краже белья на Ляжкиной канаве.

А товарищ Рыбкин запил и бросил бывшую гражданку Передержкину.

Александр Нератов.

ЛОБЗИК БЕЗ ПИЛОЧКИ

В СССР прибыла из-заграницы партия лобзиков (рам для ручных пил) без пилочек. (Из газет)

Товар подвозили на механических тачках,
Грузили спешно за вагоном вагон.
Не угрожали фабрике ни локаут, ни стачка,
И производство большущий брало разгон.

Герр Миллер тяжко пыхтел в конторе,
Векселями к стенке нещадно приперт,
И решил, что счастье—в советском просторе,
И душу со вздохом вложил в экспорт.

Заказ был получен и сдан мгновенно.
Захлопали створки складских дверей—
Грузила Госторгу лобзики Вена,
В крепкие руки крестьян-кустарей.

В Москве, на Ильинке, суетились люди,
Телеграммы в Вену строчил Наркомат,
Испарились чернила в канцелярской посуде,
И пудр секретарских густел аромат.

Завам, замзавам, помзавам попало:
Дайте-же, дайте работы пример!
А где-то в полях катились по шпалам
Лобзики, лобзики в СССР.

Когда же приняли ящиков массу,
Ввалился ужас в гос-кабинет:
Скорчил импорт напоследки гримасу—
Лобзик приехал, а пилочки—нет!!!

Клич по отделам: распутать клубочки!
Представить немедля венский заказ!
В заказе... о пилках не было строчки,
Но здесь-то до точки добрался рассказ!

И с утренней почтой, и с почтой вечерней,
Кроя порядки, оплакав гроши,
Кустари бездорожных российских губерний
Лобзиков ждали в глуши.

Сижу, пораженный импортною драмой,
С газетой вступивши в контакт...
Эх, был бы уж лучше негодной рекламой
Мне сердце ужаливший факт!

Александр Флит

Рис. Л. Бродаты

К БУМАЖНОМУ КРИЗИСУ

КРЕМАЦИЯ В БЫТУ

Рис. К. Гудакова

— И чего это Марья Петровна, на цветок глядючи, убивается!

— Господи! Так у ней-же в етом фикусе муж похоронен!

ОПРАВДАННЫЙ

Процесс был интересен для всех: для публики—потому что публика любит „захватывающие сюжеты“ с убийством, с трупом, разрезанным на части и упакованным в корзину; для газетного рецензента—потому что редактор, учитывая запросы читателя, уделил для судебного отчета двести строк, предупредив при этом: „Только вы уж устройте из трупа гвоздь номера“.

И только бухгалтер Антон Нефедов, попавший на скамью подсудимых по подозрению в этом убийстве, имел все основания не считать свое положение интересным.

Усталый и разбитый, припертый к стене несчастным стечением обстоятельств, оглушенный блестящей обвинительной речью прокурора, после которой и речь защитника, и его, Нефедова, последнее слово должны были казаться попытками ветра обрушить скалу,—он мрачно, в тупом отчаянии, высидел два часа, пока совещался суд, и уже считал себя конченым, вычеркнутым из жизни человеком, жертвой судебной ошибки.

И вдруг...

...„ввиду чего, по недоказанности... считать Антона Нефедова по суду оправданным и из-под стражи освободить...“—прозвучало в настороженной тишине зала.

— Оправдан! Свободен!!

Туман, окутавший мозг, вдруг раскололся, словно под ударом молнии, и снова раскрылась прекрасная даль: жизнь, свобода!

О! есть же еще справедливость на земле, и правда не может не торжествовать, как и порок оставаться не наказанным! (Смотри прописи и сентиментальные романы).

Это было 24-го ноября 25-го года.

А 29-го ноября того же года Антон Нефедов сидел у себя дома и рассказывал старухе-матери:

— Не понимаю, в чем дело! Прихожу в банк. Все любезны, сочувственно жмут руки. Но места никак не обещают, ссылаясь на переполнение штатов. А между тем я прекрасно знаю, что вакансия бухгалтера свободна. А Канделябров, так тот прямо сказал, прося не обижаться—мол, знаете, вы, конечно, оправданы, но... труп в корзине... и, опять же, убийца не разыскан... Удобно ли вам будет в банке? Чорт их возьми! Ведь не убивал же я! Ведь оправдан же по суду!..

— Конечно, Антоша,—вздыхала мать, пряча глаза:—но речь прокурора... Ах, как он говорил!.. Конечно, ты не виновен, но... впечатление ужасное... Ты бы сходил посоветоваться к Пупыриным.

— Был. Уехали из города.

— Как так уехали?!—изумленно воскликнула старуха:—Да я же сегодня утром...— и вдруг осеклась и замолчала, не решившись сказать, что утром видала Пупырину на базаре и что они никуда не уезжали, а, просто, не хотят, повидимому, принимать человека, связанного с „трупом в корзине“...

А 30-го ноября Нефедов натолкнулся в газете на такое „письмо в редакцию“:

„Настоящим довожу до сведения, что никакого отношения к процессу об убийстве Островской не имею и в родстве с б. обвиняемым не состою, являясь только по несчастию однофамильцем с одинаковыми инициалами.

А. С. (Александр Степанович) Нефедов, преподаватель танцев“.

А 1-го декабря, когда была оттепель и у старушки-матери разыгрался ревматизм, Нефедов услышал ворчание, исходившее из самого сердца:

— Мяса нет, молока нет... А ты чем занят, что думаешь?.. Только и способен убивать да трупы резать!... О, господи!..

Ив. Прутков

КИНО-ТИПЫ

РЕЦЕНЗЕНТ.

Галстук-бант подобен орхидее.
Рецензентом стал не без вины:
Мать-старушка и жена на шее
И, к тому же, продраны штаны.

До войны местечко небольшое
В скромной фирме „Лобзиков и Сын“...—
Краски, лаки, гвозди и обои...
(Он тогда носил еще усы!!)

Но, увы, не вечны блага мира.
Общий сдвиг был яростен и нов.
Парикмахер Пьер из Армавира—
Это он же. (Только без усов.)

Годы шли. И вот, с годами вместе,
Шел и он без-удержу вперед.
Шесть недель служил агентом в Тресте.
Сократили. Просто, не везет!

И теперь, забыв про все на свете
И усвоив хлестких фразок ряд,
Пишет он рецензии в газете
Про „монтаж“, „наплывы“ и „прокат“.

Проскочил с-разбегу в кино-боги,
Очень строг к потребностям страны,
И искал на-днях „идеологии“
В фильме „Чарли потерял штаны“.

Сдаст свой труд, с волнением счастливым,
Пять рублей получит за „товар“—
И домой идет уже „наплывом“,
Спрыснув пивом верный гонорар.

Юрий Фидлер

ЗАГАДКА.

— Укажите сходство между инвалидом труда и инвалидом войны?

— Оба торгуют папиросами.

ОСОБНЯЧЁК

(Последние зимние стихи)

С театром рядом, за оградою,
Особнячёк стоит один.
Когда-то, взор и сердце радуя,
В нем был цветочный магазин.

К нему, бывало, за букетами
Съезжались франты, точно в сад
И был излюблен он поэтами
За романтический фасад.

Теперь за крашеной конторкою
Сидит небритый дровяник.
И пахнет потом и махоркою
Воображаемый цветник.

А за стволами темносерыми
Безлистых кленов, на дворе,
Лежат огромными шпалерами
Дрова в морозном серебре.

Не знаю,—„тонкость“ ли утрачена,
Одолевают ли года,—
Особнячёк переиначенный
Теперь милей мне, чем тогда.

Исчезли с „грезами“ и „розами“
Сентиментальные мечты,
И я, напуганный морозами,
Ищу реальной теплоты.

Пишу о нем стихотворение,
(Хоть он без ландышей и роз).
Пишу, имея в „поле зрения“
Березой выложенный воз.

Дмитрий Цензор

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Изобретение „Ленинградской Правды“!

Уважаемая газета пишет:

„Летнее *движение* прошлого года *было переполнено* пассажирами“.

До сих пор мы знали прямолинейное движение, круговое, автомобильное, трамвайное и прочее, а теперь, оказывается, существует *движение, переполненное пассажирами!..*

Скромно рекомендуем „Ленинградской Правде“ *обратное движение, в сторону русского языка.*

Это же движение можно назвать движением в пользу „беспризорного ребенка“.

*

Дорогие читатели, пред вами—телеграмма из Берлина, помещенная в Ленинградской „Красной Газете“. (Снимок в натуральную величину).

Да здравствует советская Польша!

БЕРЛИН, 23. Рабочие митинги, устраиваемые социал-демократами по вопросу о конфискации имущества бывш. князей, выносят решительные протесты против двурушничества правых вождей социал-демократов. Общее собрание фабрично-заводских комитетов в Офенбахе (Западная Германия) единогласно осудило поведение правого социал-демократа Ландсберга, который высказался за соглашение с бывшими князьями. Собрание потребовало, чтобы социал-демократические депутаты парламента требовали всенародного голосования.

Требуется срочно найти на этой загадочной картинке голову выпускающего. Лучшие ответы будут премированы.

*

В „Рабочем Крае“ идет дискуссия по вопросу о театре. Это дает возможность гр. И. Попову на тему об „исторических пьесах“ барабанить не весьма вразумительным языком:

Что означает вопль: „дайте хороший и плохой историзм? Вы говорите „об истории общественной мысли?“ Простите: читайте Плеханова, ну там Вольфсона, *что ли посмотреть бы как вы дадите „хороший“ историзм без лиц.* Из театра в этом случае получится риторическая школа, или же палата по измерению невесомых явлений. *Попробуйте купить на три копейки воздуха, да не простого, а в социальном разрезе?*

Отбарабанив об „историзме“ в популярной для массового читателя форме, „неунывающий“ театрал хватается за фантастику (простое и понятное русское слово!)

Новому зрителю, осознавшему перспективу, в театре нужна и фантастика социального порядка, разумеется. Скажут, два шага к мистике. Неправда. Мистицизм—наследство уходящего класса, а не класса, только что начинающего жить. Мы работаем для будущего. Словом, в театре, который хочет завоевать рабочего зрителя, не должно быть места *дремучей трагедии, слезливым пьесам,* что сопутствует упадочным настроениям, чуждым нашей эпохе.

А советская мелодрама, а „монументальная трагедия“, о которой неустанно вопят в Центре? Как же с ними быть? Впрочем — кому нужна такая барабанная дробь? Что она дает рабочему читателю?!

*

В „Красной Нови“ (7) помещено стихотворение, в котором имеются строки:

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык...

С поэта нечего взыскивать! Всегда поэты славились разными поэтическими вольностями.....

Интересно, что делает в „Красной Нови“ редактор? Или он сам к русскому языку отвык!

ЕЩЕ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В предыдущем №-ре сообщение о выходе 9-го выпуска юмористической библиотеки **Смехача** мы закончили бодрым призывом.

А бодрый призыв, в свою очередь, закончили словами:—Кто следующий?

Теперь мы можем дать ответ на этот вопрос. Следующий:

АЛЕКСЕЙ Н. ТОЛСТОЙ

Его рассказы и составляют выпуск 10-ый нашей библиотеки.

Алекс. Н. Толстой принадлежит к известному семейству талантливых историков. Один его родственник (Лев Николаевич) написал, напр., „Войну и Мир“. Другой (Алексей Константинович) написал „Смерть Иоанна Грозного“. Сам Алексей Николаевич написал „Заговор Императрицы“.

Так как Толстых-историков много, то во избежание путаницы помещаем портрет того Толстого, которого имеем в виду—то-есть: Алексея Николаевича.

Толстой изображен что-то держащим в руке. Что именно—сказать затрудняемся. Кажется, ручную обезьяну. Во всяком случае, не 1-ый том „Капитала“.

Впрочем, важно не то, что держит человек, а важно то, за кого держат человека.

Мы держим Ал. Толстого за талантливейшего писателя. Это немного поодесски, но зато факт.

Тем приятней будет узнать читателям, что книжечка его рассказов расценена нами не в 1 р. 50 коп., а всего в пятиалтынный. А по подписке (при журнале) вместе с 9-ым выпуском—всего двугривенный.

Ибо: разве в деньгах счастье?

НЕИЗБЕЖНЫЙ ВЫВОД

Лабораторное обследование погребов всех фирм установило, что натуральное виноградное вино теперь почти не встречается: 42 пробы из 61 оказались полными фаль сификатами, коегде обнаружены вредные для здоровья примеси.

Винглавделà. Винцентроторги—в своем коммерческом восторге—развесили по всем углам слова кричащие реклам.

И к тем словам благоговейны (нам, братцы рта не затыкай) мы дули хересы, портвейны, напареули и токай.

И вдруг:

— Скандал! Разоблаченье! Подвел призыв! Наврал плакат!

В мозгах—туман. В кишках—ворчанье.

— Фальсификат! Фальсификат!

Но... тут, простите, не игрушки! Врешь, рекламист Винцентроторг! Я не хочу, чтобы с пирушки меня свезли однажды в морг! Червям достаться на разводку — мне чорт возьми не все равно!

Нет! Нет! Бросаю пить вино—и впредь перехожу на водку!

А д'Актиль

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ

— А мне вон все членвзносы в пивную делать приходится.

— Почему?

— Да у меня там уж третий месяц профбилет мой в залоге находится!..

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

Адрес для литературной корреспонденции—Ленинград, Пр. 25-го Октября, 88. Рукописи, непринятые к печати, редакцией не сохраняются.

13. Ленинград, Ольге С. Стишки не оченьчтобы очень:

Когда выйдет солнышко, ясно улыбается,
Сердце встрепенется, слышится «тук-тук,»
И душа усталая быстро обновляется,
Нервы успокоятся, никаких нет мук.

Поистине, счастливая у вас натура, если довольствуетесь солнышком и писанием плохеньких стишков.

Слышится « тук-тук»: стихи упали в корзину

14. Москва, Ив. Цип-ну. «Весенние зовы»:

Зовут к себе: родные полутоны
Наивных песенок, и нежной кожи шелк,
И аромат волос, и на губах пушок,
И розовых сосков...

Довольно!.. Если у вас крыша очищена от снега, смело залезайте и мяукайте по-кошачьи

15. Там-же, П. Г. Пол. Нравится нам, ей-богу деловой подход!

„В контору журнала «Смехач»
Ленинград, пр., 25 окт., 88

Могу Вам доставить много интересных анекдотов и веселые рассказы. Прошу Вас сообщить условия.

(подпись)

Извольте:

„В ответ на Ваше благосклонное письмо, настоящим спешим уведомить, что наша фирма „Смехач и К-о“ желала бы предварительно ознакомиться с образцами предлагаемого Вами товара.

Условия мы сообщим тотчас, по получении образцов, но заранее смеем сказать, что наши условия стоят вне конкуренции.

В ожидании от вас присыла,
с почтением «Смехач и К-о»
(фирма сущ. с 1922 г. Большш. зол медаль на Парижск Выст.)

Ив. Пр.

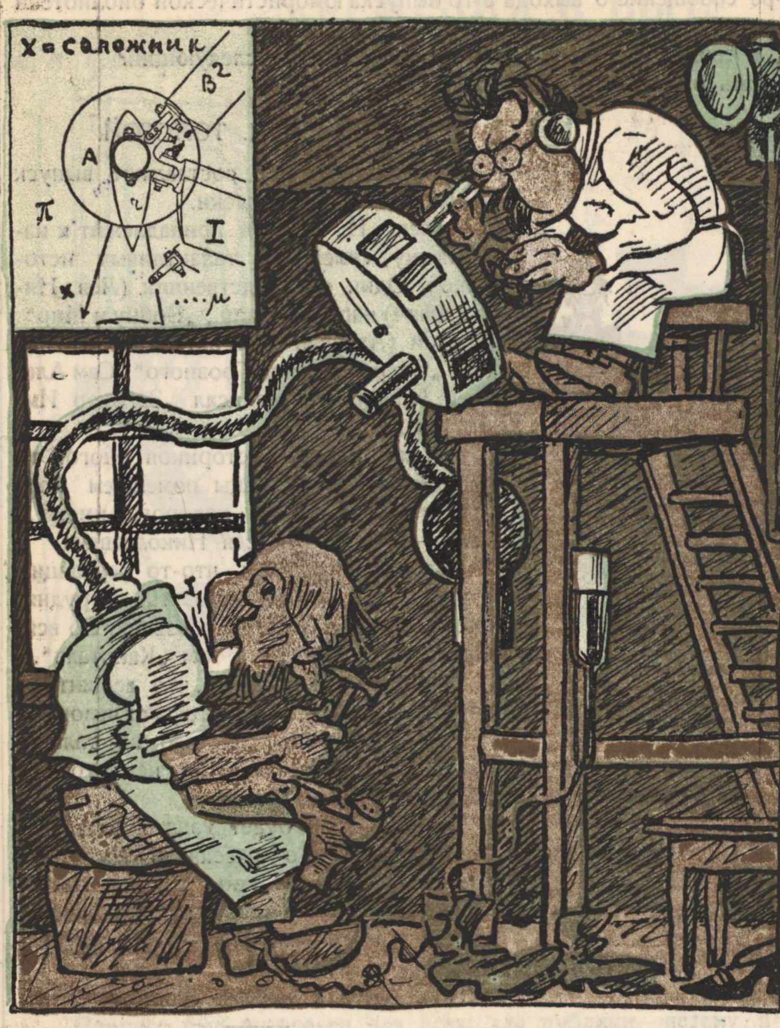
Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 9.708. Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз.

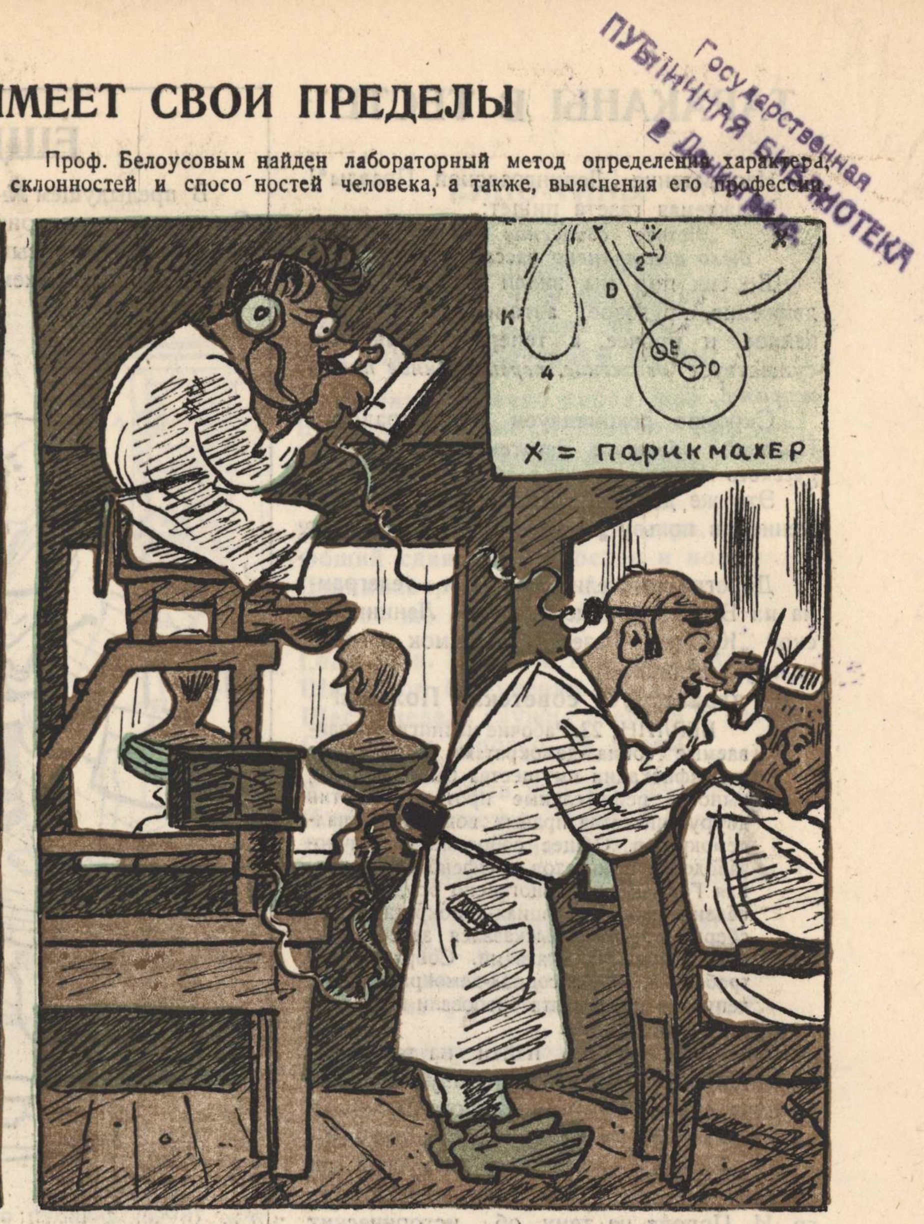
И ГЕНИАЛЬНОСТЬ ИМЕЕТ СВОИ ПРЕДЕЛЫ

Рис. Н. Радлова

Проф. Белоусовым найден лабораторный метод определения характера, склонностей и спосо´ностей человека, а также, выяснения его профессии.

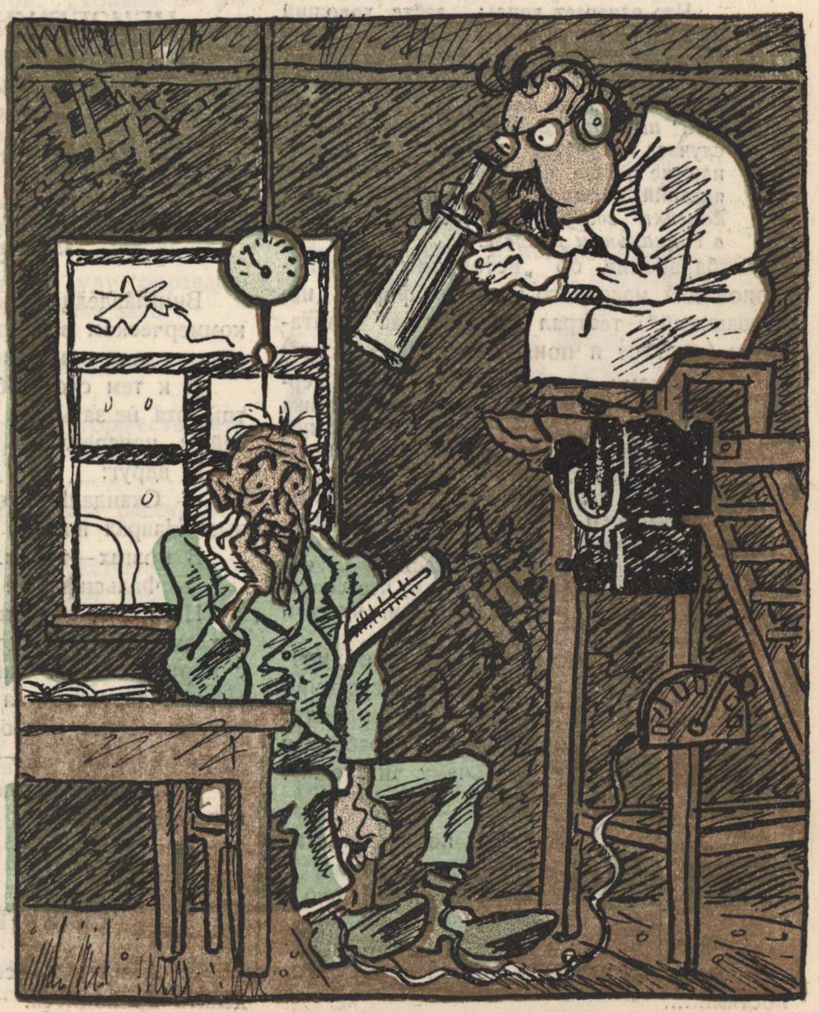
— Данный субъект,—сказал проф. Белоусов, сделав в уме вычисления и прикинув объективные признаки на-глаз,—несомненно сапожник.

— Что касается этого субъекта,—продолжал проф. Белоусов, — то вот мое безошибочное лабораторное определение: он—парикмахер.

— Субъект, находящийся передо мной в настоящий момент,—плавно произнес проф. Белоусов,—некоторыми другими экспертами мог-бы быть принят за президента одной из европейских республик или американского миллиардера. Но я едва-ли ошибусь, если скажу: это извозчик.

— А вот вы,—и проф. Белоусов запнулся.—Не профессиональный-ли вы голодальщик, как француз Волли?

— Нет,—сказал испытуемый,—я голодальщик, но не профессиональный. Я тоже профессор—только пока ничего не изобрел...